

Вошли несколько прислуживающих князю служанок и помогли Его Светлости переодеться. Суй Инь подала тарелку димсама и миску жидкой кашицы, сказав:

— Говорят, что тринадцатый помощник полководца дотошно относится к делам и работать с ней, разбирая военные вопросы, крайне утомительно, поэтому князь Мин сначала позавтракает, а потом отправится по своим делам. Боюсь, что лишь в полдень у князя Мина получится отдохнуть.

Жалуясь в душе на выпавшие трудности, Фэн Мин последовал совету Суй Инь и, поев вдоволь, ответил, утерев рот:

— Всё же я поспешу, позволю ей заждать меня — неизвестно, какое дисциплинарное правило нарушу. Ах, в руках этой девчонки, которая прибавляет работы, я, князь Мин, быстрее загнусь.

Суй Инь и остальные служанки, смотря, как почётный господин говорит так простодушно, засмеялись, прикрыв рот рукой, вот только Цзюнь Тин являлась человеком Цзюнь лин-сы, и, зная, насколько всё серьёзно, они не посмели и рта раскрыть.

Посетовав ещё немного, князь послушно покинул комнату.

Пересекая гостиную, юноша повернул голову и увидел до боли знакомый силуэт, который скользнул следом.

Фэн Мин по привычке открыл рот и позвал:

— Ваше... — но, подвергшись равнодушному взгляду, что скользнул по лицу, князь тотчас же проглотил остаток фразы и, спешно отказавшись от своих слов, поправил: — Слишком [1] холодно, и почему учитель поднялся так рано? — Юноша с улыбкой поприветствовал вдовствующую императрицу, однако от страха его лоб уже покрылся испариной.

На что Её Величество, спокойно кивнув, ответила:

— Зимний пейзаж на рассвете очень очарователен, как может учитель пропустить такое?! Мой ученик сегодня тоже слишком рано проснулся.

Фэн Мин печально вздохнул:

— Ваш ученик несчастен, так как получил приказ вместе с тринадцатым помощником полководца разучить методы обучения войск. Ах, тринадцатого помощника полководца зовут Цзюнь Тин, она дочь крайне воинственного Цзюнь лин-сы, которого Вы встретили вчера. Ваш ученик как раз идёт в кабинет, чтобы с ней встретиться.

— Учитель направляется во внутренний дворик, и как раз почти этим же путём.

Мать-императрица подмигнула князю, и они вместе медленно направились по коридору.

Фэн Мин, догадываясь, что вдовствующей императрице есть что сказать, опустил голову и последовал за женщиной, однако со всех сторон, вдали и поблизости, находились либо охранники, либо служанки: любой из них мог подслушивать, к тому же что за секрет хотела открыть Её Величество, тоже неизвестно. Они хоть и жили в одном дворце, однако куда бы ни пошли, за ними везде следили, поэтому говорить что-либо в присутствии слуг Лу Даня на самом деле было равносильно разговору, как если бы они стояли перед самим господином советником, а если князь специально уединится с императрицей или начнёт перешёптываться, то вызовет у многих подозрение.

Увидев впереди разветвление дороги, где один проход вёл к внутреннему дворику, а другой — в кабинет, матушка-императрица так и не проронила ни слова. Но стоило князю, нахмутив брови, задуматься, как внезапно женщина слабо проговорила:

— Побуждения моего ученика за последние несколько лет хоть и продвинулись вперёд, однако, пожалуй, немного разочаровали учителя.

— А? — Фэн Мин невинно поднял голову, а с уст сорвалось согласие: — Верно-верно, Ваш ученик не преуспевающий, прошу учителя, поучите уму-разуму.

— Ты уже взрослый, и учитель не хочет вновь поучать тебя. — Вдовствующая императрица остановилась, обнажая милосердную улыбку. — Просто, увидев вчера, что ты рано отправился спать, похоже, позабыв привычку, к которой приучал тебя учитель: размышлять о прошедшем дне, твой учитель немного расстроился, не более. На самом деле, сейчас падких на учёбу и прилежных молодых людей, таких, как господин советник, становится всё меньше и меньше, иногда это заставляет твоего учителя сетовать, а порой появляется мысль вновь набрать учеников.

Фэн Мин машинально остановился и, нахмутив брови, спросил:

— Учитель хочет набрать учеников?

— Верно. — Мать-императрица изящно посмотрела вдаль и, глядя на белое зимнее покрывало, что виднелось в конце галереи, вскользь проговорила: — «Искусство войны» учитель закончил преподавать тебе, однако, чтобы изучить суть «Второго искусства войны», у тебя недостаточно умственных способностей. Хоть учитель — человек, ведущий суровый образ жизни, однако, в конце концов, не провидец и рано или поздно умрёт. Найти достойного и достаточно умного человека, чтобы передать ему знания о «Втором искусстве войны» — это заветное желание учителя, к тому же учитель спустился с гор, имея при себе великие устремления. Дунфань является верным духам и крайне набожным государством, поэтому в нём очень много людей, обладающих корнем мудрости [2], что даровали Небеса. Я уверена, что смогу здесь найти себе второго ученика. Мин-эр, как думаешь, кого можно выбрать? — И полным мудрости взглядом

женщина посмотрела на Фэн Мина.

Голова князя словно стала в два раза больше, и, почёсывая затылок, сам юноша ответил:

— Кого выбрать...

— Учителю думается, советник Лу Дань — сметливый и умный — неплохой выбор. — Мать-императрица задумчиво добавила: — Однако искусство войны ценит бесстрашие и силу, с этой точки зрения, по-видимому, более уместно передать «Второе искусство войны» прошедшему войну, опытному и находящемуся на военной службе генералу. Вчера тот Цзюнь лин-сы показался высоконравственной и неплохой личностью, увы, досадно, что он уже в летах...

Стоящий в стороне Фэн Мин, как идиот, широко открыл рот.

«Небо! Почтенный и мудрый лже-Сунь Цзы, Вы слишком сильно заглотили наживку. Только вчера я Вам сказал про это вымышленное «Второе искусство войны», а уже на следующий день Вы в полной мере решили воспользоваться им. В этом императорском дворце полно ушей, и уже через час эти слова, скорее всего, долетят до ушей Лу Даня и Цзюнь лин-сы, причём слово в слово».

Нынешняя борьба, которая разгорелась между Цзюнь лин-сы и князем Мином за титул помощника правителя, не удовлетворяла Её Величество, и ей по-прежнему хотелось устроить другую борьбу за право «называться преемником мастера Сунь-цзы», которому последний передал бы трактаты о военном искусстве.

«Каждого генерала Дунфань, у которого с самого начала был обнажён меч и натянута тетива [3], хотите меньше чем за месяц замешать во внутренней политической войне, словно аппетитную кашу в котелке? Действительно, Вы достойная мать Жун Тяня».

После долгого раздумья князь внезапно вспомнил, что Цзюнь Тин ждёт его в кабинете и сейчас, кто знает, готова спалить комнату, изливая гнев. Ойкнув и пока отложив то, что матушка-императрица хочет найти ученика, князь обратился к Её Величеству со словами:

— Учитель, идите вперёд любоваться снежным пейзажем, а Вашему ученику назначена встреча с Цзюнь Тин, которая ждёт в кабинете. Если не явлюсь, то очень сильно разозлю её, а в этой дунфаньской армии чуть что, сразу плетью бьют, страшно, страшно. — Поклонившись женщине, князь спешно направился в кабинет.

У вдовствующей императрицы явно оставались ещё слова, и она намекнула, однако уже уходящий Фэн Мин совершенно ничего не увидел и не понял, сама же мать-императрица, оказавшись в тупиковой ситуации, только и могла, что напомнить:

— Моему ученику нужно не забыть отправить людей к господину советнику, чтобы

поблагодарить его. Господин советник, встретив учителя, привёз во дворец Дунфань, оказал радушный приём, а вчера ещё рассчитывал с наступлением вечера прийти и обсудить трактаты о военном искусстве. Такой падкий на учёбу человек действительно достоин восхищения.

Фэн Мин, наспех отозвавшись, внезапно что-то вспомнил, остановился, обернулся, встречаясь с многообещающим взглядом матери-императрицы, и от неожиданного осознания слегка изменился в лице.

Лу Дань действительно говорил прошлым вечером, что хочет лично прийти и расспросить учителя о военном искусстве, однако, неизвестно почему, нарушил своё слово [4].

Учитель Сунь-цзы являлся важным гостем Лу Даня, и военное искусство по большей части было вещью, к которой решительно стремился господин советник. Если бы не крайний случай, Лу Дань ни за что в ответственный момент не отказался бы от возможности посетить «учителя Суня».

Значит, неужели вчера вечером произошло какое-то несчастье?

Только сейчас князь понял, почему матушка-императрица не спала всю ночь и рано утром вышла, преграждая ему путь.

Такие, как мать-императрица, привыкшие к дворцовым интригам, способны были, учуяв необычный запах, отыскать нить паутины, которая вела к жилью паука [5].

От мыслей, что жизнь Лу Даня скоро угаснет, Фэн Мин внезапно опечалился.

— Тринадцатый помощник полководца, должно быть, заждался. Почему Мин-эр всё ещё здесь? Скорей иди. — До слуха донёсся голос вдовствующей императрицы.

— Да-да. — Хоть душу много чего гложило, вот только сейчас важно было разобраться с ожидавшей его Цзюнь Тин, потому Фэн Мин, нахмутив брови, спешно направился к кабинету.

Если завернуть за угол, тотчас же можно было увидеть кабинет, находящийся в конце галереи. Вокруг не было ни одного охранника: то ли Цзюнь Тин их отпустила, то ли не она — неизвестно.

Князь, словно его зад был охвачен огнём, спешно добрался до кабинета и, внезапно остановившись, подумал: «Эта девчонка из семьи Цзюнь прождала уже долгое время, и теперь неизвестно, какое дисциплинарное наказание ожидает меня, или ситуация прояснится. Посмотрим».

Тихо дойдя до кабинета, юноша приблизился к слегка приоткрытому окну.

Как вдруг услышал тёплый мужской голос:

— Осторожней, жидкая тушь может намочить военную форму, вот видишь...

Спустя короткое молчание, князь услышал женский голос:

— Отпусти. — Это был голос Цзюнь Тин, и хоть он звучал по-прежнему холодно, однако в нём смутно слышались какие-то странные нотки.

Фэн Мин был потрясён и тайком заглянул в окошечко. Оконная щёлка была очень маленькой, а сам юноша, не осмелившись приоткрыть её ещё больше, чтобы не создавать шум, только и мог, что разглядеть два силуэта, стоящих у стола.

— Я помогу тебе вычистить форму.

— Не нужно, не трожь меня.

Силуэт Цзюнь Тин слегка шевельнулся, и Фэн Мин тотчас же опустил голову, однако девушка не обернулась, лишь слегка отступила. Князь с осторожностью вновь заглянул в кабинет, с этого ракурса ему хорошо было видно, как мужчина, облачённый в такую же военную форму, держал в своих ладонях руку Цзюнь Тин.

«О, Небеса, оказывается, там разыгрывается романтическая сцена. Неудивительно, что поблизости нет ни одного охранника, даже тени служанок не видно».

Цзюнь Тин приглушённо крикнула:

— Линь Инь, я приказываю тебе: отпусти мою руку. Ты смеешь превышать полномочия?

— Тин-эр, я...

— Не зови меня так! — взволнованно добавила Цзюнь Тин. — Я уже говорила тебе, не следует так меня называть, отпусти мою руку.

На что Фэн Мин подумал: «Твой ранг выше его, да и ловкости, кто знает, больше, так почему же сама не отдёрнешь руку, а наоборот, притворяешься, приказывая ему отпустить тебя. Блестящий замысел, похоже, послушная дочь Цзюнь лин-сы растрогана. Молодец, Линь Инь, неожиданно осмелился ухаживать за только на вид кусачей тигрицей».

Если бы в данный момент Лу Дань или Жун Тянь увидели нечто подобное, то непременно придумали, как именно использовать эту явно не для всех очевидную любовь, чтобы нанести

удар противнику. И лишь Фэн Мин, находя это крайне занимательным, мог со стороны наслаждаться подобной сценой.

Линь Инь всё это время стоял спиной к князю. Какие бы угрозы Цзюнь Тин не выкрикивала, мужчина, отказываясь отпустить её руку, лишь приглушённо проговорил:

— Можешь смело звать охрану, только Цзюнь лин-сы приговорит тебя, как моего начальника, к линчи. Как быть тогда?

Растерянная Цзюнь Тин отвернулась и спустя долгое время проговорила:

— Моя рука привыкла держать меч, к тому же грубая и покрыта мозолями. Что же в этом хорошего? — Неожиданно проявилось очарование юной девушки, заставляя подглядывающего украдкой князя выпучить глаза и драматически вздохнуть; верно, сила любви способна на всё.

Линь Инь глухо отозвался:

— Я как-то раз нечаянно наговорил глупостей, а ты так долго таила обиду...

Цзюнь Тин озлоблено отдернула руку и, скрежеща зубами, процедила:

— Смешно, чтобы я, военный помощник полководца, неожиданно таила обиду на собственного подчинённого? Сегодняшняя неприятность произошла благодаря тебе... — Подняв голову и внезапно увидев лицо Линь Иня, девушка в душе испугалась, а высокомерный тон, что с детства выработывался и был присущ только семье Цзюнь, внезапно померк.

— Я понял, я тебя не заслуживаю, — с холодной усмешкой проговорил Линь Инь, пристально глядя на Цзюнь Тин.

Девушка отвернулась.

Линь Инь долго смотрел на неё, глубоко вздохнул и, внезапно сменив дружелюбный тон на официальный, возвышенно проговорил:

— В таком случае Ваш подчинённый просит о переводе в двенадцатую армию.

— Почему? — Испугавшись, девушка повернула голову и уставилась на Линь Иня.

— Тем более Ваш подчинённый хочет следовать двенадцатому помощнику полководца.

Цзюнь Тин, побледнев от злости, холодно ответила:

— Не выйдет.

— Тринадцатый помощник полководца не имеет права возражать. Ваш подчинённый является вторым помощником полководца и имеет право напрямую обратиться к Цзюнь лин-сы и попросить его о переводе в двенадцатую армию. Ведь всё равно ты не хочешь меня видеть, разве не найдётся второй помощник полководца, который будет лучше меня радовать твой взгляд?

Цзюнь Тин, топнув ногой, проговорила:

— Кто сказал, что я не хочу тебя видеть? — Когда она топнула ногой, Фэн Мин почувствовал, что Цзюнь Тин действительно похожа на девятнадцатилетнюю девушку.

На что князь подумал: «Как миленько, сейчас начнут заигрывать. Ах, знал бы раньше, подольше поспал бы, а глядя на подобную обстановку, даже если явлюсь вечером, Цзюнь Тин не разозлится».

Вся сцена напоминала отношения Жун Тяня и Фэн Мина, где наверняка скандал смог бы развиваться, превратившись в медово-сладкую неоднозначную перебранку, а в заключение их тела бы переплелись, чтобы уже через несколько минут заняться ожесточённой физической активностью.

Только, по-видимому, Линь Инь был всё же крайне глуповатым парнем и не являлся плейбоем, как Жун Тянь. Увидев, что Цзюнь Тин кокетничает, он вместо того, чтобы, словно атакованная змея, взобраться на палку [6], наоборот, застыл на довольно длительное время, с глупым видом смотря на Цзюнь Тин, и лишь печально проронил:

— Я тебя не заслуживаю, к тому же докучаю тебе. К чему тогда оставаться в тринадцатой армии?! В подчинении господина Цзюнь лин-сы есть множество вторых помощников полководца, которые уровнем командования превосходят меня. Так или иначе, нет такого человека, который бы не смог выполнить мои обязанности...

Гнев сдавил грудь, а сама девушка взмахнула рукой. И звонкая пощёчина эхом прокатилась по кабинету.

— Вздор... Отправляйся на заснеженную дорожку, чтобы хорошенько прийти в себя, — девушка указала на большие ворота, свирепо приказывая.

Линь Инь развернулся и тотчас же направился к двери.

Цзюнь Тин крикнула:

— Стой! — Сделав паузу, она мягко спросила: — Почему ты уходишь?

Линь Инь, не сказав ни слова, поднял занавеску и вышел.

Стоящий за окном Фэн Мин высунул язык и спешно перебежал от кабинета в галерею, как раз встречая Линь Иня, и, притворившись, что запыхался, проговорил:

— Господин, тринадцатый помощник полководца в кабинете? Я как можно скорее проснулся, оделся, позавтракал и поспешил в кабинет, но, как назло, по дороге встретился с учителем, хорошо, именно вчера господин Цзюнь лин-сы лично явился в боковой зал дворца, чтобы посоветоваться насчёт найденного у шпиона Бэйци...

Линь Инь, отмахнувшись, равнодушно остановил непрерывную болтовню Фэн Мина:

— Тринадцатый помощник полководца уже давно ждёт князя Мина, прошу князя Мина поторопиться. — Во время подглядывания князь лишь видел его силуэт, а сейчас, столкнувшись лицом к лицу, заметил, что этот преисполненный отваги поклонник Цзюнь Тин совершенно не напоминал обыкновенного генерала, чьё тело источало величие, что было подобно железу, наоборот, от Линь Иня исходил насыщенный невинный аромат, на лице таилась тень печали, словно некоторые тайные заботы окружали молодого человека. Возможно, именно такая лёгкая, едва уловимая грусть, не присущая военному человеку, заставляла Цзюнь Тин смотреть на Линь Иня другими глазами.

Не желающий многословить Линь Инь сделал несколько шагов, однако остановился и, обернувшись, сказал:

— Помощнику полководца не нравится, когда тянут время, в следующий раз князю Мину лучше прийти пораньше.

Сейчас князь Мин слегка понимал его удручённое настроение и, глядя на удаляющийся силуэт, невольно покачал головой, после чего поднял занавеску.

Как только юноша шагнул в кабинет, тотчас же увидел искажённое лицо стоящей перед столом Цзюнь Тин, которая, подбоченившись, тотчас же потребовала объяснений:

— Князь Мин понимает, какому наказанию следует его подвергнуть?

— Виноват, потому что мой...

— Не нужно со мной спорить! Любой повод никчёмен. Хоть Вы и являетесь человеком, которому государь специально разрешил участвовать в военном совете, однако никто не смеет игнорировать воинскую дисциплину.

Посмотрев на очень разгневанную Цзюнь Тин, Фэн Мин обиделся: «Ты с бойфрендом поссорилась, с чего ради свой гнев обрушать на мою голову?» Эти слова, конечно же, нельзя

было высказывать в лицо Цзюнь Тин, потому юноша только и мог, что уступить:

— Тринадцатый помощник полководца, успокойтесь, я действительно немного опоздал, потому что...

— Довольно. — Цзюнь Тин махнула рукой, прерывая князя. Как только девушка осознала, что потеряла контроль над собой, медленно подошла к столу, опустила голову и, посмотрев на заранее приготовленные тушь и кисть, проговорила: — Князю Мину не стоит оправдываться, всё же скорей начинайте писать способы обучения войск.

Однако Фэн Мин по-прежнему стоял в стороне, пока Цзюнь Тин не подвинула кисть и тушь со словами:

— Князь Мин?

— А? Я сейчас же примусь писать. — Фэн Мин сел и взял кисть.

Насчёт обучения войск юноша мало что знал, только раз уж осмелился «ляпнуть», что будет составлять план обучения, всё же стоило детально подойти к этому вопросу. Основной набросок в голове уже имелся, и, чуть-чуть поразмыслив, князь начал неспешно писать.

Стоящая позади князя Цзюнь Тин смотрела на чёрные слова, которые одно за другим появлялись на белом шёлке.

С обдуманном плане всё же легче. Фэн Мин, чтобы показать свою истинную мощь перед Цзюнь Тин, которая наблюдала со стороны, старался писать одним махом. Стоящая в стороне девушка спокойно наблюдала: поначалу не принимала во внимание, затем выражение её лица постепенно стало серьёзным, при том, что сама она уже чего-то не понимала, и, как только князь закончил писать вторую часть на второй шёлковой ткани, девушка не удержалась и спросила:

— То, что пишет князь Мин, кажется, не является планом по обучению. К тому же почему это «во время боя не приказывать всем генералам вести солдат уничтожать врага, а, наоборот, нужно, чтобы они повсюду следовали за главнокомандующим»?

Опустив кисть, Фэн Мин поднял голову и сказал со смехом:

— Помощник полководца возглавляет тринадцатую армию. Но отвечает ли помощник полководца за обучение каждого рядового солдата?

Цзюнь Тин кивнула:

— Конечно же это невозможно, у меня в подчинении три тысячи рядовых солдат, каким образом мне контролировать каждого?! Во время тренировок лучшие воины несут ответственность за лучших, а за тех, кто рангом ниже, отвечают командиры взвода, каждый из них возглавляет пятьдесят рядовых солдат. Так же и во время тренировок: каждый из командиров взвода несёт ответственность за своих подчинённых.

— Вот и правильно. — И Фэн Мин продолжил: — Максимально развить потенциал каждого солдата, можно сделать так, что дунфаньская армия станет действительно могущественной. А чтобы развить потенциал каждого солдата, нужно тщательное усердие генералов всех рангов. Тренировка является первостепенным развитием. Солдат Дунфань бесчисленное множество, и обучить армию, сделав её превосходной, не так-то легко. Мой метод тотчас же позволит генералам всех рангов усердно тренироваться при обучении своих рядовых солдат.

Глядя, как Цзюнь Тин сильно хмурит брови, Фэн Мин терпеливо начал объяснять:

— Во время сражений генералы последуют за главнокомандующим, издали наблюдая за ходом военных действий. Если в схватке обнаружится, что рядовой солдат панически бросается в бегство, тотчас же станет ясно, какому генералу он подчиняется, и только потом этого генерала приговорят к обезглавливанию. Таким образом, генералы всех рангов станут старательно тренировать подчинённых рядовых солдат, чтобы защитить свою жизнь. Следовательно, каждое войско наверняка значительно продвинется в своём обучении.

Только тогда поняв, Цзюнь Тин кивнула, говоря:

— Если тщательно подумать, то действительно есть немного здравого смысла. Только я считала, что князь Мин изложит несколько конкретный план обучения войск. Если написать так в общих чертах, боюсь, тогда Вы не сможете пройти испытание моего отца.

— Помощник полководца грубо ошибается. Я как раз пишу второй пункт, где говорится, что не стоит устанавливать множество отживших стратегий обучения, чтобы таким образом не ограничивать активные действия генералов. — Лицо князя было суровым, а сам юноша делал вид, что прекрасно знает основы военного искусства. Так или иначе, нужно было слишком много притворства и театральности, а когда лицу ещё придавался строгий вид, то это всё же слегка утешало. Фэн Мин, выпятив грудь, неожиданно с гордым видом озвучил идеи почтенного учителя — Конфуция: — Что касается просвещения, важнее всего — вести учение сообразно индивидуальным способностям [7]. Солдаты ведь тоже живые люди, у них есть особые достоинства и недостатки, более того, они призваны из разных мест, а из-за различных условий воспитания и жизни кто-то может искусно взбираться, кто-то искусно плавать. На данный момент в армии слишком много всевозможных правил и ограничений, с таким же успехом эти так называемые «методы обучения» могут и генералы всех рангов практиковать со своими солдатами в соответствии с реальной обстановкой. Видите ли, всё сущее в мире имеет характер, например, обезьяны, они хорошо лазают по горам, если захотите обучить обезьян и превратить их в горные войска, тогда, конечно, это будет проще простого, однако если захотите превратить обезьян в военный флот...

Фэн Мин оживлённо говорил, тяжело вздыхая, больше получаса, начиная с ведения учения

сообразно индивидуальным способностям, которое применялось в древнем Китае, а также упомянул, что в природе у всех живых существ есть свои преимущества; привёл некогда вычитанные примеры из мира животных и закончил свой монолог современным образованием.

— ...Фактически, неудачных примеров, что были вызваны субъективными формами образования, можно найти сплошь и рядом, например, чрезмерная строгость в сдаче экзаменов приводит к... кхэ-кхэ... я ничего не говорил. Так или иначе, — подводил итог князь, — я считаю, что обучать войска следует сообразно индивидуальным способностям, только основываясь на особенностях характера стоит создавать метод подготовки солдат, поэтому те шаблонные докладные насчёт обучения войск вообще не заслуживают огромной траты наших сил. Самое важное для старшего командира — взять на себя ответственность и разделить её с другими низшими по рангу командующими. Пусть первый пункт обучения, от которого трепещут низшие по рангу командиры, станет головной болью их младших подчинённых. — Договорив, князь игриво подмигнул Цзюнь Тин.

Безэмоциональная Цзюнь Тин, холодно взглянув на юношу, хотела что-то сказать, но в щель, что была в окне, неожиданно ворвался поток зимнего ветра, заставляя двух людей вздрогнуть от холода.

— Вновь начался снегопад. — Фэн Мин, прячась от холода, втянул голову в плечи и поспешил закрыть окно. — Еле как прекратился, но вскоре снова начался, как холодно. Тринадцатый помощник полководца, из той научной теории образования, что я только что озвучил, Вам что-нибудь стало ясно? — Повернувшись, юноша посмотрел на Цзюнь Тин.

Однако сама девушка сердцем, похоже, находилась не здесь. Неизвестно о чём подумав, Цзюнь Тин слегка изменилась в лице и обратилась к Фэн Мину со словами:

— Князь Мин, подождите немного, я сейчас приду.

— А? Куда Вы? Я как раз хотел побеседовать с Вами, да и Вы ещё не поделились своими впечатлениями...

Не дожидаясь, пока Фэн Мин закончит говорить, девушка уже, приподняв занавеску, спешно покинула комнату.

Поглядев на опустевший кабинет, князь почесал затылок и огорчённо проронил:

— Безобразие, судя по её лицу, похоже, моя новая теория совершенно не понравилась. Ну и ну, правда я ведь не пророк и совершенно ничего не знаю, так какое ко мне имеют отношение древние теории обучения войск? Знал бы раньше, то во время учёбы меньше читал бы маньхуа и много изучал бы научно-популярных журналов.

Пока князь брюзжал, шторка внезапно поднялась и холодный ветер, воспользовавшись удобным случаем, ворвался в комнату, обдувая вставшие дыбом волосы князя, а перед взором

мелькнул силуэт уже вернувшейся Цзюнь Тин, сзади которой следовал бесстрастный Линь Инь. На плечах молодого человека был тонкий слой снега, который также запорошил иссиня-чёрные волосы, а лицо от холода стало мертвенно-бледным.

На что Фэн Мин подумал: «Ой, этот Линь Инь действительно очень послушный малый, Цзюнь Тин приказала ему отправляться на заснеженную дорожку и остудить голову, а он, кто бы мог подумать, и впрямь пошёл. Неудивительно, что Цзюнь Тин, едва услышав о снегопаде, спешно выскочила, оказывается, она не хотела, чтобы её возлюбленный замёрз, тц-тц».

Затем же юноша невольно подумал: «Всё же Жун Тянь крайне чуткий и нежный, он предпочтёт страдать от холода, чем позволит мне чихать, а когда идёт снег, он обязательно очень крепко обнимет меня, чтобы я не простудился. Угу, только сейчас вспомнил, что в объятиях Жун Тяня действительно можно согреться».

Потому на лице князя невольно появилась шелковинка улыбки.

Вернув в кабинет дрожащего от холода Линь Иня, Цзюнь Тин, как раз охваченная злостью и в то же время испытывая жалость, внезапно увидела лёгкую улыбку на губах юноши и, весьма вероятно, почувствовав робость, зло посмотрела на князя и спросила:

— Чему смеётесь?

Фэн Мин только сейчас заметил, что стоило Линь Иню появиться в кабинете, как таящееся глубоко в душе девичье очарование Цзюнь Тин тотчас же невольно проявилось. Вот только сейчас не время было провоцировать её, и князь Мин, убрав улыбку с лица, ответил:

— Помощник полководца неправильно понял: я лишь подумал, что вновь снегопад начался и вечерний пейзаж наверняка будет очень красивым, и, кто знает, может быть, господин советник придёт и пригласит учителя вместе полюбоваться снежным видом.

— Господин советник? — Цзюнь Тин слегка фыркнула, а уголки её губ дрогнули.

Вспомнив утреннее напоминание матери-императрицы, что нужно быть внимательным в отношении Цзюнь Тин и Лу Даня, князь Мин, видимо, по своему усмотрению проговорил:

— Если бы господин советник пришёл, то, может быть, пригласил бы и помощника полководца полюбоваться зимним пейзажем. По слухам, господин советник очень восхищается талантом помощника полководца управлять армией, он ещё говорил, что помощник полководца в будущем может унаследовать титул Цзюнь лин-сы.

Цзюнь Тин, пристально посмотрев на князя, внезапно ответила:

— Почему князь Мин о себе не заботится?

На что юноша обомлел и выдал усмешку:

— В словах помощника как будто скрыт глубокий смысл.

— Господин советник использует князя Мина, втянув в борьбу с моим отцом за место помощника правителя, и наверняка Вы очень страдаете из-за этого. — Цзюнь Тин медленно и спокойно добавила: — Сейчас господин советник является единственной опорой князя Мина, а военная система, оказывается, не может одобрить присоединение князя Мина. В этот переломный момент, если с господином советником что-нибудь случится, то как князь Мин будет искать своё место? Неужели князь Мин не заботится о себе?

— По мнению помощника с господином советником может произойти беда? — Фэн Мин, понизив тон, спросил: — Если с господином советником что-нибудь произойдет, как военный совет объяснит случившееся государю?

Цзюнь Тин, покачав головой, со вздохом проговорила:

— Князь Мин неправильно понял. Мы не нанесём удар господину советнику, он всё-таки является опорой государства и доверенным лицом государя Дунфань. Однако основываясь на наших новых данных, тело господина советника с каждым днём всё слабее и слабее, более того, после наступления этой зимы дворцовый лекарь почти постоянно пребывает в опочивальне господина советника.

Сердце Фэн Мина бешено забилося в груди.

Действительно, Лу Дань был болен. По этой, должно быть, причине господин советник не смог прийти прошлой ночью. Жун Тянь как-то говорил, что длительное умственное переутомление и приводит к скрытой опасности, если она не проявит себя, то и говорить нечего, а если проявится, то, вероятно, господин советник не сможет пережить зиму, а лекарств, которые могли бы вылечить недуг, почти нет.

— Я хоть и немного находилась рядом с князем Мином, однако заметила, что князь Мин вовсе не злой человек, — Цзюнь Тин сказала, вздохнув. — Совет цзиши уже уничтожен, верховная власть в руках господина советника, однако в это время, несмотря на риск, он выдвинул кандидатуру князя Мина, давая нам ясно понять, что надеется, что князь Мин займёт его место в управлении Дунфань. Однако министр, взявший управление в свои руки, никогда не сделает Дунфань могучим и великим. В Дунфань уже достаточно беспорядков, потому не следует больше поднимать ещё один беспощадный дворцовый переворот, внутренняя борьба — не то, что хочет видеть военный совет. Если князь Мин хочет сохранить нейтралитет, мы не станем создавать ему трудности.

Стоящий в стороне Линь Инь проговорил:

— Такое же мнение у господина Цзюнь лин-сы.

— Слишком много болтовни. — Цзюнь Тин, хлопнув в ладоши, развела руки, добавляя: — Я уже откровенно всё рассказала, князь Мин даст мне ответ?

Фэн Мин же хранил молчание, в душе царил хаос из чувств, а множество мыслей хлынуло наружу.

Разумеется, военные противники Лу Даня в последнее время зашевелились и уже заметили, что с господином советником творится неладное, к тому же предположили, что Лу Дань серьёзно болен. Такая жалость, что Фэн Мин только сейчас вспомнил, что Лу Дань уже как-то предупредил его об этой проблеме...

Действия как Цзюнь Тин, так и остальных можно было назвать благонамеренной и чрезмерной преданностью. Они лишь надеялись, что дела управления Дунфань снова не попадут в руки предателя, к тому же не хотелось, чтобы вновь появилось правительство, не терпящее возражений, а нужно было сделать так, чтобы разного рода силы Дунфань мирно сосуществовали, поддерживая и защищая совокупную мощь Дунфань.

Стоило только двум жадным до власти людям: главе цзиши и Лу Даню — исчезнуть, как Дунфань наверняка и неуклонно сплотился бы благодаря методам военного совета, который не склонился бы ни на одну, ни на другую сторону.

Однако это могло случиться при условии, что он, князь Мин, не станет заменять Лу Даня и продолжать те времена, когда дела управления были в руках господина советника. А это то, чего как раз желал Лу Дань: он хотел поставить князя Мина на своё место, чтобы тайно управлять государством и, прибегнув к силе, защитить императора Дунфань, так как сам господин советник являлся крайне самодержавным человеком.

Линь Инь, понизив тон, проговорил:

— В подобной ситуации только князь Мин знает, что делать: согласиться или отказаться.

Цзюнь Тин отозвалась на редкость мягко:

— Я совершенно не вынуждаю князя Мина дать мне ответ, только раз уж князь Мин понимает всю ситуацию, то пожалуйста, не стоит вновь пытаться совершить нечто, что разрушит положение страны, которая стремится к стабильности.

Несколько раз вздохнув, Фэн Мин ничего не сказал Цзюнь Тин, так как у них с Лу Данем уже давно был заключён договор. Что ещё хуже, он уже на поясе носил меч Ушуан, который означал, что князь согласился на это странное заклятие. Следовало иметь в виду, что второй меч Ушуан сейчас находился в руках господина советника, к тому же, кажется, ещё не при императоре Дунфань. Если по чистой случайности Лу Дань узнает, что князь разрывает договор, то другой меч Ушуан тотчас же будет повешен на пояс совершенно ненужному человеку, которого после всего ждала печальная судьба — поспешное убийство, разве тогда

выдающийся князь Мин не умрёт, обиженным больше, чем Доу Э [8]?

Хоть заклятие — вещь навряд ли действительная, проблема в том, что если по чистой случайности оно всё же сработает, как быть тогда?

Ну, а самое-самое важное, юноша, в конце концов, не являлся князем Дунфань, его дорогой Жун Тянь скрывался в неизвестно каком пристанище и наверняка очень надеялся безжалостно подорвать мирную и стабильную обстановку страны. Кстати говоря, какое отношение к нему, Фэн Мину, имеет стабильность Дунфань?

Во внезапно поменявшейся гнетущей обстановке князь Мин стал рассказывать по кабинету, непрерывно вздыхая, в итоге юноша остановился и, взглянув на Линь Иня, внезапно проговорил:

— Я понял: Линь Инь, второй помощник полководца, отвечает за разведывательные данные. Неудивительно, что весь в инее вернулся сюда, и тринадцатый помощник полководца тотчас же выдвинула вопрос о состоянии здоровья господина советника. — Не хватало, чтобы князь ещё предположил, что Линь Инь на самом деле в наказание стоял под снегопадом.

Лица Линь Иня и Цзюнь Тин слегка изменились, двое явно не ожидали, что князь так лихо сможет сделать вывод.

Линь Инь кивнул, говоря:

— Верно, Ваш подчинённый отвечает за сбор сведений в императорском дворце. — Молодой мужчина только что встречался с приближённым шпионом Лу Даня и смог выяснить, что господин советник тяжело болен.

На что Цзюнь Тин ответила:

— Князь Мин когда угодно может об этом уведомить господина советника, только господину советнику, должно быть, это хорошо известно. В императорском дворце никуда не деться от шпионов. Само собой разумеется, Линь Инь является человеком из моей тринадцатой армии, думаю, господин советник не осмелится опрометчиво трогать его. — Обернувшись, девушка посмотрела на Линь Иня и слегка улыбнулась

Только сейчас князь понял, что Линь Инь не так-то прост, и, исподтишка высунув язык, подумал: «Неудивительно, что ему хватило храбрости ухаживать за Цзюнь Тин, с виду воспитанный, а в душе лихой парень. После устроенной здесь ссоры молодой мужчина в ярости ушёл, а когда успокоился, тотчас же направился заниматься своей разведывательной работой, вот уж действительно первоклассный тайный агент».

Когда сильные душевные волнения охватили душу, за дверью донёсся голос Суй Инь:

— Докладываю князю Мину и тринадцатому помощнику полководца: прибыл генерал Цян Янь.

Дверная занавеска приподнялась, холодный поток северного ветра со свистом ворвался в комнату, и на пороге оказался генерал Цян Янь, усы и волосы которого запорошил снег. С первого взгляда можно было понять, что снегопад застал мужчину по дороге во дворец; войдя в дверь, генерал тотчас же приглушённо пояснил:

— Направляйтесь в военный зал заседания, только что поймали другого шпиона Бэйци, при нём также было обнаружено странное письмо.

Услышав это, все онемели, после чего отозвались «слушаемся» и немедленно накинули плащи, и также спешно покинули комнату. Фэн Мин тоже потерял дар речи от чрезмерного волнения.

«Этот чёртов Жун Тянь вновь отправил кого-то сюда? Надеюсь, не со слащавым письмом».

Примечания:

[1] В оригинале Фэн Мин говорит ㄎ (тай), что означает как Ваше/императорский/великий, так и слишком/весьма; более того, с иероглифа «тай» начинается «тайхоу», что переводится как «мать-императрица/вдовствующая императрица».

[2] Будд. «корень мудрости» — один из пяти органов познания, а также означает ум, интеллект.

[3] Обр.: готов к бою, в состоянии боевой готовности.

[4] В оригинале фраза звучит как «съел своё слово», что означает «обмануть доверие, нарушить своё слово, обещание; взять свои слова обратно; отказываться от своих слов».

[5] В оригинале фраза звучит как «нить паутины [которая ведёт к жилью паука] и следы копыт лошади [или сверчка]», обр.: ключ к разгадке, след, путеводная нить, зацепка.

[6] «Атакованная змея взобралась на палку» — эта фраза означает, что человек может воспользоваться удобным случаем и действовать согласно обстановке, чтобы получить огромную выгоду или пользу. Также эта метафора олицетворяет человеческую борьбу: атакованный противник, умело используя слабые стороны своего оппонента, молниеносно отвечает ударом на удар, загоняя последнего в трудное положение.

[7] Подходить к ученикам по-разному, с индивидуальным подходом к воспитуемому, как было сказано в книге «История просветительской мысли в Древнем Китае»: «Вести обучение сообразно индивидуальным способностям учащихся — это не только принцип нравственного воспитания, но и общий педагогический принцип. Он предполагает необходимость целенаправленной организации преподавательской работы в соответствии с индивидуальными и возрастными различиями учащихся. Как упоминалось выше, принцип обучения студентов в соответствии с их способностями во многом связан с Конфуцием. Учитель использовал индивидуальный подход к каждому как в области нравственного воспитания, так и в отношении воспитания интеллекта. Конфуций размышлял: тот, «с кем можно вместе учиться, еще не тот, с кем можно вместе идти по пути»; тот, «с кем можно вместе идти по пути, еще не тот, с кем можно вместе утвердиться»; и тот, «с кем можно вместе утвердиться, еще не тот, с

кем можно власть делить».

[8] Обр.: несправедливо обижен. Более того, есть пьеса китайского драматурга XIII века Гуань Ханьцина, называемая «Обида Доу Э» (полное название — «Тронувшая Небо и Землю обида Доу Э»), которая написана в стиле юаньской цзацзюй (юаньской драмы).

<http://bllate.org/book/13377/1190152>